

Одуванчики, лопухи,
Море солнечной шелухи
На краю городского сада...
Так и носишь с собою впрок
До грядущего снегопада
Золотистый сухой клубок.

Мать-и-мачеха, череда,
Незабудки для никогда...
По горячей асфальтной кромке
Подорожник, угрюмый страж:
У него разговор короткий –
Что потребует, то отдашь.

Сколько в камень ни забирай –
На земле прорастает рай,
Возвращается пядь за пядью:
Повилика да зверобой...
Сядет бабочка на запястье –
Уведёт тебя за собой

Под акацию да сирень,
Где посвистывает свирель,
Сердце робкое подзывая,
Крошки солнечной подложив...
Так улавливает живая
Жизнь, угадывая, кто жив.

* * *

Роскошь тишины, спора нищета ли...
Что ни затевай, нету с нами слада.
Боже, приюти в небе наши тайны –
Смутные слова, вспугнутые взгляды.

Раз уж наделил радостью-бедою,
Если подарил всё, о чём молила, –
Пусть они живут под Твоей ладонью
В маленьком саду, в бузине-малине.

Пусть они поют, праздно-невесомы,
В радости своей обречённо-вешней:
Выйдешь утром в сад, хмурый, полусонный,
А они в листве крылышками плещут...

Им не уцелеть в городской опале:
Сколь ни береги – были да пропали.
Пусть живут с Тобой там, куда манили –
В маленьком саду, в бузине-малине.

* * *

Что из дома? – Пара строчек в личке.
Некогда – почти что никогда.
Вымокли столбы, как будто спички,
По полу февральской электрички
Загуляла талая вода.
У зимы в Москве свои привычки,
И не угадаешь – вот беда! –

Посреди какого перегона,
Смешивая грохот с тишиной,
Прямо через палубу вагона
Ночь перехлестнёт тугой волной

И сметёт нечаянно в пучины,
Где плывут обрывками сетей

Тёмные – во тьме неразличимы –
Ветви, тени, призраки ветвей...

Ничего, что в мире удержало б
И могло позвать издалика.
Только лишь наивных детских жалоб
Лодочка бумажная легка –

Но смешны мечты или обиды.
Господи, остави всё как есть!
Видишь, буквы сразу же размыты –
И уже ни слова не прочесть.

Только эта лёгкость и чудесна,
Бессловесна и во тьме бела,
Только эта лодка через бездну
К берегу добраться бы смогла.

* * *

Оглядываясь беспечно на дальние голоса,
Спохватываясь поспешно: оглядываться нельзя! –
Чувствуешь: ближе, ближе, уже над самым плечом
Лёгких листочков книжных шепоток ни о чём.

И всплёскивается, ярк, словно бы наяву,
Запах румяных яблок, падающих в траву,
И клювом стучит синица в надтреснутое стекло,
И прошлое счастье снится, не ведая, что прошло:

Скрипнувшей половицей, радостью – кто пришёл?
Яблочной половинкой, влажным ещё ножом,
Ложечкой в звонкой чашке, солнцем из всех щелей...
Летнее моё счастье, непроходящее!

* * *

Всю ночь гудели самолёты
За тучами, над высотой.

Светились окна словно соты
С начинкой нежно-золотой.

В меду таинственном тонули
Заботы и печали дня,
Но небеса стояли в гуле
И острых высверках огня.

Тянуло дымом от окраин –
Горел весенний сухостой.
Вся ночь была печальным раем
С начинкой нежно-золотой.

И в этой ласковой печали
Казался гул ещё острей...
И долго свет не выключали
Во тьме грядущих новостей.

* * *

Вязкая тревога – словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянии выстрела –
Дальше ни на шаг не отойдёшь.

И её не уличить в обмане нам –
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается как светлое пятно.

Часовые сняты, псы прикормлены –
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием прикованы
К тайным рубежам земли родной.

Лишь на ней, весенней силой вспоены,
Сомкнуты корнями как трава,
Смогут удержаться наши воины –
Наши чувства, мысли и слова.